

Научная статья

УДК 343.222.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-83-93

ЧЕТЫРЁХУРОВНЕВАЯ ГРАДАЦИЯ ВИНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Кораблёва С. Ю.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

Поступила в редакцию 16.01.2025

После доработки 08.02.2025

Принята к публикации 26.02.2025

Аннотация

Цель. Обосновать нецелесообразность упрощения российской теории вины за счёт отказа от некоторых из её видов, в т. ч. по отношению к доминирующим в УК РФ формальным составам.

Процедура и методы. В основу исследования положен комплексный анализ уголовного законодательства, правоприменительной практики и концепций о критериях разделения вины на виды. Был использован статистический анализ, позволяющий оценить частоту указания на вид вины в приговорах по делам об убийствах и причинении смерти по неосторожности. Применён ценностный (аксиологический) подход для обоснования практического значения выделения косвенного умысла и легкомыслия.

Результаты. Обосновывается, что в науке уголовного права нецелесообразно ориентироваться на простые для квалификации случаи, даже если они составляют большинство дел. Задача науки – детальность в описании изучаемой проблемы, выделение всех возможных в реальности оттенков вины. Сделан вывод, что для удовлетворения потребностей правоприменительной практики в реализации теоретических конструкций гораздо более эффективным является не удаление «лишних» видов вины с переходом, по сути, к объективному вменению, а активное взаимодействие науки и практики, например, через институт *amicus curiae* («друзья суда»).

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут лечь в основу дальнейшего уточнения критериев разделения вины на виды, а также возможностей практического внедрения института *amicus curiae*.

Ключевые слова: административный подход, виды вины, косвенный умысел, легкомыслие, субъективное вменение, субъективные признаки, формы вины

Для цитирования:

Кораблёва С. Ю. Четырёхуровневая градация вины: уголовно-правовая доктрина и судебная практика // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 83–93. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-83-93>.

Original research article

FOUR-LEVEL MENS REA SCALE: CRIMINAL LAW DOCTRINE AND JUDICIAL PRACTICE

S. Korableva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

© CC BY Кораблёва С. Ю., 2025.

Received by the editorial office 16.01.2025

Revised by the author 08.02.2025

Accepted for publication 26.02.2025

Abstract

Aim. To justify inappropriateness of simplifying the Russian doctrine of fault elements by abandoning some of mens rea types, including in relation to the crimes where the consequences are not considered mandatory (formal compositions) that dominate the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The study is based on a comprehensive analysis of criminal legislation, judicial practice and concepts of the criteria for dividing mens rea into four types. Statistical analysis was used to assess the frequency of indicating the type of mental state in court verdicts handed down for homicide. An axiological approach was used to substantiate the need for the existence of dolus eventualis and recklessness.

Results. It is substantiated that in the theory of criminal law it is unacceptable to focus on easily understandable criminal acts, even if they constitute the majority of cases. The task of science is a detailed description of the issue under study, identifying all possible types of mens rea. It is concluded that for the courts to more easily use complex theoretical constructions to justify their decisions, it is much more effective not to remove “unnecessary” types of mens rea with a transition, in essence, to “punishment for consequences”, but to make science and practice actively interact through the amicus curiae.

Research implications. The proposals and conclusions contained in this article may form the basis for further clarification of the criteria for dividing mens rea, as well as the possibilities for the practical implementation of the amicus curiae institution.

Keywords: administrative approach, types of mens rea, dolus eventualis, recklessness, mens rea, fault elements, mental state

For citation:

Korableva, S. Yu. (2025). Four-Level Mens Rea Scale: Criminal Law Doctrine and Judicial Practice. In: *Moscow Juridical Journal*, С. 83–93. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-83-93>.

Введение

Законодатель в ст.ст. 25 и 26 УК РФ предлагает различать 4 вида вины: 2 вида умысла и 2 вида неосторожности. Однако никакие иные положения уголовного законодательства не свидетельствуют о необходимости четырёхуровневой градации. Форма вины (деление на умысел и неосторожность) служит отграничением преступных деяний от непроступных, а также влияет на категорию преступлений, определение рецидива, возможность отмены условного осуждения и т. д. В отличие от формы, вид вины с точки зрения законодателя в лучшем случае должен учитываться при индивидуализации наказания.

Анализ правоприменительной практики по делам об убийстве (где особенно различимы преступные деяния от заказного убийства до защиты от посягательства, и, как следствие, оттенки умысла) однозначно

свидетельствует, что правоприменительная практика не склонна уделять внимание разным видам умысла. Были проанализированы приговоры, вынесенные за 6 месяцев (январь–июнь) 2024 г. по ст. 105 УК РФ «Убийство» по первой инстанции районными судами РФ. Всего на сайтах судов удалось найти 3 022 решения; в выборку было включено 1 994 приговора (исключены постановления о применении принудительных мер медицинского характера и иные, где вопросы вины не поднимались по формальным причинам). Только в 3% из них упоминался косвенный умысел, причём в основном в контексте цитирования постановления Пленума Верховного Суда о невозможности покушения на убийство с косвенным умыслом. В остальных решениях вид вины не назывался (табл. 1).

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении видов неосторожно-

сти. Всего на сайтах судов удалось найти 563 решения, вынесенных за 6 месяцев (январь–июнь) 2024 г. по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» по первой инстанции районными судами РФ; в выборку было включено 112 приговоров (исключены постановления о примирении с потерпевшим и иные решения, где вопросы вины не поднимались по формальным причинам). Только в 5% из них констатировалось легкомыслие. В большинстве решений суд оперировал термином «небрежность» (табл. 1).

Верховный суд РФ также не ориентирует суды на работу с оттенками умысла и неосторожности. В своих постановлениях о судебной практике по конкретным уголовным делам Пленум избегает употребления терминов, связанных с видами вины. Например, косвенный умысел упоминается исключительно в п. 2 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹, а виды неосторожности лишь в п. 84 Постановления от 18 мая 2023 г. № 11

Таблица 1 / Table 1

Виды умысла и неосторожности в судебных решениях / Types of intent and negligence in court verdicts

Ст. 105 УК РФ «Убийство»		Ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности»	
Судом констатировался прямой умысел	246 приговоров (12%)	Судом констатировалось легкомыслие	5 приговоров (5%)
В приговоре упоминался косвенный умысел	64 приговора (3%)	Судом констатировалась небрежность	83 приговора (74%)
В т. ч. судом констатировался косвенный умысел	40 приговоров (2%)		
Вид вины в приговоре не раскрывался	1 684 приговора (85%)	Вид вины в приговоре не раскрывался	24 приговора (21%)
Итого:	1 994 приговора (100%)	Итого:	112 приговоров (100%)

Источник: составлено автором.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7. С. 21.

вины?», на наш взгляд, необходимо искать не в области уголовного права, а в социологических исследованиях. Индивид размышляет в рамках определённого социального пространства, которое ориентирует и определяет его мысль [2, р. 674]. Как разъясняет в своём научном обзоре эту идею М. Л. Панарина: «Академический учёный изучает реальность через призму теорий, которых он придерживается; политик рассматривает действительность с точки зрения своих идеологических, партийных установок; эмпирик видит реальность "через лупу" специальных методик» [3, с. 106]. На основе анализа ключевых зарубежных и российских социологических исследований, она поясняет, что для учёного важна «неизведанность» проблемы, он не стремится к сложности и непонятности словесного выражения главных постулатов, но стремление к полноте и максимальной осведомлённости относительно изучаемой проблемы автоматически усложняет положения любой научной теории.

Эмпирики стараются дать ответ на конкретный вопрос, поставленный заказчиком, однако значение имеет результативность методов, а не их «правильность и научность» в целом. Оценка поставленной задачи как способ достижения общего социального блага также часто находится вне поля их интереса. Это может делать полученный результат полезным лишь для самого заказчика.

Ещё больше ситуация усугубляется, когда речь идёт о деятельности государственного аппарата. Реальность рассматривается чиновниками через призму необходимости эффективного исполнения государственных функций. Негативной составляющей административного подхода является стремление к упрощению: чем проще социальные практики, тем более отзывчивы они к управлению и манипуляциям. Упрощение приводит к потребности в схематичности – стремлению прописать всё в нормативных документах, закрепить все стадии проекта, запротokolировать все этапы независимо от ситуации, местных условий и особенностей. Этот подход может быть полезным лишь до тех пор, пока не нарушается есте-

ственное многообразие реальной жизни [3, с. 107–109].

Применительно к теории уголовно-правовой вины эта мысль может быть выражена следующим образом: учёный старается максимально точно описать естественное многообразие всех оттенков вины и постоянно задаётся критическими вопросами, учёный-практик имеет целью создать методики установления данных оттенков вины, а государственный аппарат в лице суда и следствия – упростить осуждение, сделать его максимально предсказуемым. Так что ответ на вопрос «Насколько сложная теория вины нам нужна?» зависит от отвечающего. Строго говоря, правоприменительной практике принцип вины вообще не нужен. Объективное вменение гораздо проще и даёт однотипный предсказуемый результат.

Другой вопрос, что такой результат не соответствует пониманию общественного блага. Основная цель любой системы уголовной юстиции – превенция. Наказание как элемент кары или восстановления социальной справедливости – это констатация неудачи в достижении первой цели. Неиндивидуализированные жестокие наказания также не соответствуют пониманию общественного блага, поскольку в конечном итоге порождают сочувствие общества к преступникам, являются причиной переполнения мест лишения свободы и чрезмерной нагрузки на органы исполнения наказания. Для общества характерно стремление к справедливости: «Уголовный закон и уголовное правосудие не могут выполнять своего назначения как регуляторов общественных отношений и результативных средств противодействия преступлениям, если они не пронизаны идеей справедливости, воплотившей в себе передовую человеческую мораль и верность (соответствие) истине» [4, с. 189].

Классическое определение справедливости выражается одной фразой – *suum cuique* (всякому своё или каждому по его заслугам). На этом древнем постулате основывается вся тщательно продуманная система права, и, как показывает опыт, именно он обеспечивает её устойчивость. Поэтому, на наш

взгляд, не правоприменительная практика должна ставить перед учёными задачу упрощения создаваемых ими концепций и методов исследования реальности, а академическая среда должна задавать цели развития системы правосудия, исходя из многообразия и сложности социальных отношений, а также предлагать методы познания объективной реальности, в частности, вины. В этом отношении крайне важно сочетать объективную сложность любой научной концепции с созданием прикладных инструментов её реализации. Не упрощать теорию вины до объективного вменения, а работать над возможностями и пределами познания её оттенков.

Проблемы реализации концепции четырёхуровневой вины

Реализация научной концепции – это всегда сложный процесс, требующий налаженного взаимодействия между теорией и практикой. Можно с сожалением утверждать, что на сегодняшний день даже в отношении таких классических материальных составов, как убийство, ни российской теорией, ни тем более практикой не выработано прикладных правил отграничения прямо- и косвенноумышленных деяний. Например, С. В. Дубовиченко считает, что «обычно желание в прямом умысле связывают со стремлением к определённым общественно опасным последствиям, которые могут выступать в качестве а) конечной цели; б) *промежуточного этапа* на пути к достижению конечной цели; в) средства достижения цели; г) *неизбежного сопутствующего элемента* деяния» [5, с. 86]. А раскрывая содержание второго вида умысла, автор указывает, что «Если в прямом умысле субъект относится к последствию как к нужному событию, то в косвенном последствии выступает не как цель, не как средство для достижения другой цели, а как *побочный* результат преступной деятельности» [5, с. 91].

Такое толкование оттенков умысла представляется крайне подробным, но при этом ставит неразрешимый вопрос, кото-

рый препятствует использованию данных критериев на практике: как отличить побочный результат (в косвенном умысле) от сопутствующего (в прямом умысле)? Причём речь не идёт о сложных теоретических конструкциях, типа, ситуаций, когда киллер подкладывает взрывное устройство под сиденье автомобиля, зная, что жертва всегда ездит с водителем и охранником. Речь идёт о совершенно простых и распространённых в практике случаях, когда мать сознательно недостаточно ухаживает за своим ребёнком, в результате чего он погибает. Цель у такой матери – избавиться от излишней загруженности, связанной с заботой о ребёнке. Она не стремится к лишению его жизни, не совершает никакой «работы» для этого и однозначно предпочла бы иное решение «проблемы». Но и ухаживать за ним должным образом она не намерена. На наш взгляд, это хрестоматийный пример косвенного умысла – «не желала, но сознательно допускала или относилась безразлично». «Преступное последствие включается в волевой акт субъекта следующим образом: а) оно учитывается при принятии решения действовать, б) оно охватывается планом действий субъекта, в) оно сознательно вызывается деянием субъекта. И нежелаемое может быть волимым» [6, с. 104].

Однако вопрос о том, является ли смерть ребёнка здесь побочным результатом желания матери не заботиться о ребёнке или же сопутствующим элементом /промежуточным этапом движения к цели избавиться от нагрузки, имеет скорее философский характер и потому не может быть точно разрешён. Ситуация усугубляется тем, что доступные для познания признаки, включённые автором в содержание 2 видов умысла, крайне неоднородны.

Результат при косвенном умысле относится не к деянию, а ни много ни мало к *преступной деятельности*. При прямом же умысле это сопутствующий элемент *деяния* или промежуточный этап на пути к достижению *цели*. Граница между прямым и косвенным умыслами проведена так, что на долю косвенного умысла не остаётся

почти ничего. При такой асимметрии действительно встаёт вопрос о том, есть ли вообще необходимость в выделении косвенного умысла.

В. В. Питецкий предлагает схожие критерии, хотя и в иной комбинации. В одной из своих работ он предложил один из самых известных примеров сужения границ косвенного умысла: «То обстоятельство, что преступные последствия не являются конечной целью действий, не меняет вид умысла: он останется именно прямым. Различные *психологические оттенки волевого отношения к наступившим последствиям не имеют значения* и не трансформируют прямой умысел в косвенный. Например, мужчина, задумав жениться на своей любовнице, может испытывать искреннее чувство жалости к убитой им с этой целью жене» [7, с. 49]. Но любопытно, что далее он утверждает, если «... Н. похищает один из узлов дорогостоящего механизма, тем самым приводя его в частичную непригодность, с целью использовать похищенное в домашнем хозяйстве... вопрос о виде умысла по отношению к краже не возникает – он является прямым... В отношении повреждения чужого имущества такого вывода сделать нельзя, *поскольку оно для Н. было не целью, а побочным результатом совершения кражи, однако этот результат Н. осознавал как неизбежный. Налицо – косвенный умысел*» [7, с. 50]. Но если исходить из этой логики, то убийство жены ради почки для любовницы – это пример косвенного умысла, что представляется не только запутывающим, но и весьма сомнительным допущением.

Безусловно, на уровне всей психической деятельности и особенностей функционирования мозга конкретного человека действительно есть разница в оттенках вины обвиняемых, один из которых убивает жену ради любовницы, а другой уничтожает ценный прибор ради хищения его части. Однако это различие лежит исключительно в плоскости криминальности (опасности) совершенных деяний. Что же касается непосредственно отношения виновных к последствиям, то здесь разница, на наш

взгляд, далеко не настолько очевидна, чтобы провести чёткую границу между прямым и косвенным умыслом.

Отсутствие практических критериев для различения оттенков вины приводит к тому, что «нередко с завидной лёгкостью, без достаточных, а часто и безо всяких оснований, отдельным составам приписывается как прямой, так и косвенный умысел» [8, с. 31]. Казалось бы, что это не является существенной проблемой для правоприменительной практики, т. к. влияние вида умысла на квалификацию крайне ограничено. Речь обычно о 2 частных правилах: о невозможности покушения на преступление с косвенным умыслом и о необходимости квалификации преступлений с косвенным умыслом в зависимости от наступивших последствий.

Однако отсутствие чётко определённых границ косвенного умысла ставит вопрос о том, где кончается умысел и начинается неосторожность. Этот вопрос является ключевым для справедливого разрешения дела – санкции статей об умышленном и неосторожном причинении вреда жизни и здоровью кардинально различаются по тяжести, а большинство деяний и вовсе уголовно наказуемы, только если совершаются умышленно.

Нехватка удобных прикладных инструментов различения видов умысла приводит к крайне любопытному результату. Практика, в тех редких случаях, когда доходит дело до различения видов умысла, продолжает делать то, за что подвергалась критике самых авторитетных учёных ещё два десятилетия назад. Так, в одном из решений ещё прошлого века высший суд расценил прицельный выстрел с близкого расстояния из обрез в шею продавщицы магазина как убийство с косвенным умыслом, поскольку основной целью подсудимого было облегчить завладение ценностями¹. Спустя два десятилетия суд повторил то, что было

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.05.1998 г. (Суд присяжных обоснованно признал лицо виновным в убийстве с косвенным умыслом) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 9.

однозначно истолковано учёными как ошибка, усмотрев «косвенный умысел там, где, в общем-то, достаточно очевиден прямой» [9, с. 48]. Возможно, дело в том, что те выводы, которые достаточно очевидны одним, совершенно не столь же очевидны другим, особенно если они оперируют иными критериями. Так что в своём решении кассационный суд полностью согласился с тем, что направленность действий Д. (накинул удавку на шею потерпевшего и удерживал до тех пор, пока последний не перестал подавать признаков жизни) свидетельствует о косвенном умысле обвиняемого на убийство, т. к. к смерти потерпевшего он относился безразлично¹.

Вероятно, суд проигнорировал достаточно сложную мысль о том, что «лицо при совершении преступления с прямым умыслом может и не желать некоторых его последствий. Такого желания может не быть, в частности, при предвидении в некоторых случаях неизбежности их наступления» [10, с. 96]. Вместо этого он использовал термин «безразлично» в том смысле, что Д. не имел плана на убийство и действовал импульсивно, в споре. «Безразлично» – бессодержательный бытовой термин, который может быть интерпретирован диаметрально противоположно (достаточно сравнить: «ему была безразлична смерть соседа, т. к. они не были знакомы» и «он безразлично наблюдал за тем, как потерпевший истекает кровью»).

Эффективно оперировать такими терминами, а также оценочными критериями «побочный результат», «промежуточный результат», «основной результат», «абстрактное предвидение», «риск», «реальное предвидение» возможно только если они имеют чётко определённое, устоявшееся содержание. Разграничение, например, спланированного и импульсивного преступления намного проще и потому наглядней для индивидуализации наказания. Критиковать суды за такой подход достаточно сложно. Это, в свою очередь, приводит к тому, что популярной становится

точка зрения о необходимости отказа от «излишних» оттенков вины, которые якобы слишком сложны и потому не используются практикой надлежащим образом, не влияют на квалификацию, зато создают заметный разрыв между теоретическими концепциями и их применением.

Научно-теоретическое и практическое значение четырёхуровневой градации вины

В качестве обоснования необходимости упрощения теории вины за счёт уменьшения её видов обычно приводятся доводы, связанные как раз со сложностью и недостаточной конкретностью терминологии теории вины: «Не очень убедительными являются доводы о том, что предвидение при легкомыслии отличается от предвидения при косвенном умысле меньшей степенью определённости, а именно: если при косвенном умысле виновный предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, то при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная, т. е. отвлечённая от данной конкретной ситуации. Позволим с этим не согласиться. ...О каком абстрактном предвидении можно говорить, когда водитель очень даже осознанно понимает возможное действительное развитие причинной связи между нарушением правил и вполне даже возможным наступлением общественно опасных последствий? Получается, что косвенный умысел и преступное легкомыслие в подобных случаях практически совпадают и имеющиеся между ними различия настолько несущественные, что впору говорить, что, по существу, это одна и та же форма вины... По нашему мнению, признаемся, очень субъективному и неочевидному, предпочтение всё-таки надо отдать преступному легкомыслию» [8, с. 32].

Любопытно, что «жертвой» таких рассуждений становится не только косвенный умысел, как в вышеприведённом утверждении, но и легкомыслие. Так, Д. А. Корецкий и Е. С. Стешич утверждают, что, «поражая

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2022 по делу № 77-759/2022.

ножом любую часть человеческого тела, разве не предполагает виновный, что может повредить ткани, кровеносные сосуды, железы, лимфоузлы, нервные окончания, занести инфекцию, вызвать кровопотерю или болевой шок, причинить ещё десятки последствий, приводящих к смерти? Совершенно очевидно, что не предвидеть этого может лишь невменяемый. Отдающее отчёт в своих действиях и могущее ими управлять лицо предвидит все последствия, причём безразлично относится к возможности их наступления. А, следовательно, в случае причинения смерти, должно нести ответственность за убийство с косвенным умыслом» [11, с. 38].

Можно отметить, что в этом утверждении за критерий разграничения не только видов умысла, но и форм вины в целом взято двухуровневое предвидение последствий объективно опасных действий: спланированные действия предлагается рассматривать как желанные и потому свидетельствующие о прямом умысле, а импульсивные – как о косвенном. При таком упрощении для легкомыслия не остаётся места.

На этом примере можно совершенно однозначно утверждать, что попытки упрощения теории вины не приводят к уменьшению числа теоретических разногласий. Сама суть науки – это постоянное совершенствование теории посредством критики тех или иных её положений. Более того, смещение фокуса с диспутов о том, что есть косвенный умысел, на дискуссии о том, какой именно вид вины является лишним, ничуть не способствует совершенствованию правоприменительной практики и не позволяет науке уголовного права защититься от обвинений в недостаточно практическом подходе.

Вторая проблема заключается в том, что упрощённый подход не может быть справедливым. Осознание способа деяния как основы последствий некорректно заменять на объективное предвидение. Конечно, любой вменяемый человек, совершая любой поступок, и не важно, один это удар ножом в ногу, нарушение правил дорожного движения, не менее 16 ударов табуретом по голове

или даже просто ходьба по улице в снегопад не может не предвидеть каких-то негативных последствий. Но при прочих равных условиях даже «один удар ножом в ногу» сильно отличается от «не менее 16 ударов табуретом по голове» с точки зрения осознания лицом опасности избранного способа поведения. На бытовом уровне все эти деяния воспринимаются очень по-разному, поэтому их уравнивание будет оставлять ощущение несправедливости.

Если утрировать, то наиболее практический подход к вине – это исключение вины, сопутствующей ей доктрины *non bis in idem* (принципа недопустимости двойного наказания за одно деяние) и переход к объективному вменению. Такой подход не требует анализа намерений лица, его мотивов, целей и их соотношения с наступившими последствиями. Принцип вины является серьёзным препятствием для замены «живого» правоприменителя судьёй-роботом, т. к. различению оттенков психического отношения лица искусственный интеллект вряд ли можно научить, и уж точно этот вопрос не входит в содержание критерия «несложный спор», который на сегодняшний день является ключевым даже для самых смелых рассуждений о цифровом правосудии [12, с. 136; 13, с. 90–92].

Однако насколько общество действительно заинтересовано в «практическом подходе»? Кто выиграет от максимального упрощения судопроизводства, кроме правоприменительных органов, да и то в очень незначительной степени? Человеческое общество движется в сторону усложнения своей деятельности, именно это называется прогрессом, а не наоборот. Поэтому, на наш взгляд, ответ на вопрос о том, насколько сложная теория вины нам нужна и не стоит ли её наконец упростить под потребности правоприменительной практики, в т. ч. устранив «ненужные» виды вины, абсолютно некорректен. Упрощение вплоть до применения искусственного интеллекта целесообразно для процессуальных действий типа подачи документов в суд и схожих малозначительных дел [14, р. 278–281], но не для теории уголовного права.

Заключение

Теория уголовного права должна не ориентироваться на быстрое разрешение однотипных дел, а быть готовой ответить на сложные вопросы, которые периодически возникают в правоприменительной практике. Например, как квалифицировать утопление лица, если обвиняемый утверждает, что потерпевший к этому моменту уже был мёртв, без простого утверждения о том, что данное заявление не принимается во внимание¹. Либо как квалифицировать с использованием субъективного, а не объективного вменения так называемый «переходящий умысел», когда лицо планировало убить одного с особой жестокостью, а фактически убило другого².

В связи с этим удачным видится не упрощение теории вины, а, наоборот, необходимость обращения к уголовно-правовой доктрине при принятии решений по наиболее сложным и спорным практическим ситуациям. И не только путём обращения к правовой позиции Верховного суда. Подход Верховного Суда к применению норм права «являет собой официальный выбор одного из возможных толкований уголовного закона» [15, с. 185]. Однако, во-первых, крайне вероятно «отсутствие по объективным причинам официально озвученной позиции Верховного Суда РФ по тому или иному вопросу толкования или применения уголовного закон» [15, с. 186]. А во-вторых, «суд – особый орган государства, поставленный Конституцией как бы вне структуры государственной власти и защищающий только те её интересы, которые строго соответствуют Основному закону страны. Из этого вытекает крайне важное уголовно-политическое следствие, суть которого состоит в наличии права суда на собственную независимую оценку всех принимаемых государством решений в области борьбы с преступностью» [16, с. 63]. Такая независимая оценка немислима без

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2022 г. № 35-УД22-8-А1.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2024 г. № 58-УД24-1-А5.

обращения к обширной теоретической базе научных исследований, и, как вариант, обращения к *amicus curiae* («друзьям суда»).

Институт *amicus curiae*, возникший ещё в римском праве, постепенно получил широкое распространение как в международных судах, так и в большинстве национальных юрисдикций [17, р. 83–102]. Так, Международный уголовный суд прибегал к этой практике, закреплённой в ст. 103(1) Правил процедуры и доказывания МУС, когда разрешал вопрос территориальной юрисдикции по ситуации в Палестине и для этого рассмотрел представления 43 государств, организаций и учёных, участвовавших в качестве *amicus curiae*³.

Правореализационная юридическая техника уголовных судов зарубежных стран (Великобритании, США, ФРГ, Сингапура и т. д.) включает ссылки на авторитетные научные труды и заключения «друзей суда» в обоснование принятого решения. Аналогичная возможность закреплялась и п. 2 §36 регламента Конституционного Суда РФ⁴. И хотя решением от 28 января 2021 г. Конституционный Суд РФ исключил из своего регламента указание на «инициативные научные заключения»⁵, в своём комментарии представители Суда заверили, что авторитетные академические исследования будут и далее приниматься к учёту⁶. Подобный подход целесообразно распространить и на суды общей юрисдикции, что поспособствует как развитию теории уголовного права, так и совершенствованию правоприменительной практики.

³ Questions and Answers on the Decision on the International Criminal Court's territorial jurisdiction in the Situation in Palestine // ICC: [сайт]. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/palestine/210215-palestine-q-a-eng.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 г. № 2-1/6) // СПС Консультант Плюс.

⁵ Решение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Конституционный суд остался без друзей. КС решил отказаться от практики *amicus curiae* // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4673415> (дата обращения: 05.12.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. Г. Общественная опасность как элемент умысла в уголовном праве: трудности реализации при установлении вины // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 259–268. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2814
2. Mills C. W. Language, logic, and culture // *American Sociological Review*. 1939. Vol. IV. No. 5. P. 670–680. DOI: 10.2307/2083575
3. Панарина М. Л. Подходы к изучению социальной реальности в исследовании качества государственных услуг // *Социология власти*. 2009. № 3. С. 105–111.
4. Сидоров Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189–194.
5. Дубовиченко С. В. Волевые моменты умысла // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 73. С. 83–93.
6. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона и её установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
7. Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечёт ужесточение уголовной репрессии // *Российская юстиция*. 1999. № 5. С. 49–50.
8. Гладких В. И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // *Российский следователь*. 2016. № 3. С. 27–33.
9. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // *Российская юстиция*. 2002. № 12. С. 47–49.
10. Филимонов В. Д. Проблема степени вины в уголовном праве // *Уголовное право*. 2017. № 3. С. 92–99.
11. Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла // *Уголовное право*. 2014. № 4. С. 37–41.
12. Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1 (59). С. 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141
13. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие*. 2020. Т. 2. № 3. С. 86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99
14. Susskind R. *Online courts and the future of justice*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 368 p. DOI: 10.1093/oso/9780198838364.001.0001
15. Пудовочкин Ю. Е. Бабаев М. М. Противоречия судебно-уголовной политики // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 1. С. 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190
16. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // *Журнал российского права*. 2019. № 7. С. 56–64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5
17. Farber S. *The Amicus Curiae Phenomenon. Theory, Causes and the Significance of Third Party Interventions*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. 330 p. DOI: 10.1007/978-3-031-67225-5

REFERENCES

1. Ivanov, A. G. (2020). Public Danger as an Element of Intent in Criminal Law: Difficulties of Implementation in Revealing Mens Rea. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2, 259–268. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2814 (in Russ.).
2. Mills, C. W. (1939). Language, Logic, and Culture. In: *American Sociological Review*, IV (5), 670–680. DOI: 10.2307/2083575.
3. Panarina, M. L. (2009). Approaches to Study Social Reality When Analyzing the Quality of Public Services. In: *Sociology of Power*, 3, 105–111 (in Russ.).
4. Sidorov, B. V. (2016). The Principle of Justice: Its Place in the System of Principles and Norms of Criminal Law, and Issues on Improving Criminal Law. In: *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4, 189–194 (in Russ.).
5. Dubovichenko, S. V. (2010). Strong-Willed Moments of Intent. In: *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, 73, 83–93 (in Russ.).
6. Dage, P. S. & Kotov, D. P. (1974). *Subjective Side and Its Identification*. Voronezh: Voronezh University publ. (in Russ.).
7. Pitetsky, V. (1999). Narrowing the Concept of Indirect Intent Entails Toughening Criminal Repression.

- In: *Russian Justice*, 5, 49–50 (in Russ.).
8. Gladkikh, V. I. (2016). Invitation to Discussion: Are We Satisfied with Modern Forms of Guilt and the Practice of Their Use? In: *Russian Investigator*, 3, 27–33 (in Russ.).
  9. Yani, P. (2002). Complex Issues of the Subjective Side of the Crime. In: *Russian Justice*, 12, 47–49 (in Russ.).
  10. Filimonov, V. D. (2017). The Problem of the Guilt Degree in Criminal Law. In: *Criminal Law*, 3, 92–99 (in Russ.).
  11. Koretsky, D. & Steshich, E. (2014). Analysis of Causal Relationship When Distinguishing Negligence and Indirect Intent. In: *Criminal Law*, 4, 37–41 (in Russ.).
  12. Kozhokar, I. P. & Rusakova, E. P. (2023). Legal Technology and Digital Justice. In: *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 1, 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141 (in Russ.).
  13. Markovicheva, E. V. (2020). Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings. In: *Justice*, 2 (3), 86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99 (in Russ.).
  14. Susskind, R. (2019). *Online Courts and the Future of Justice*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198838364.001.0001.
  15. Pudovochkin, Yu. E. & Babaev, M. M. (2022). Contradictions of Judicial and Criminal Policy. In: *Law Enforcement Review*, 6 (1), 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190 (in Russ.).
  16. Pudovochkin, Yu. E. & Babaev, M. M. (2019). Dynamism and Stability of Judicial Practice. In: *Journal of Russian Law*, 7, 56–64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5 (in Russ.).
  17. Farber, S. (2024). *The Amicus Curiae Phenomenon. Theory, Causes and the Significance of Third Party Interventions*. Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-031-67225-5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораблёва Светлана Юрьевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Korableva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;

e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597